

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ
**БОЕВОЙ
ПРИЗЫВ**

ЦГБ Петрозаводск

80401804

ДМИТРИЙ
ГУСАРОВ

БОЕВОЙ
ПРИЗЫВ

Роман
Книга первая

153166-1

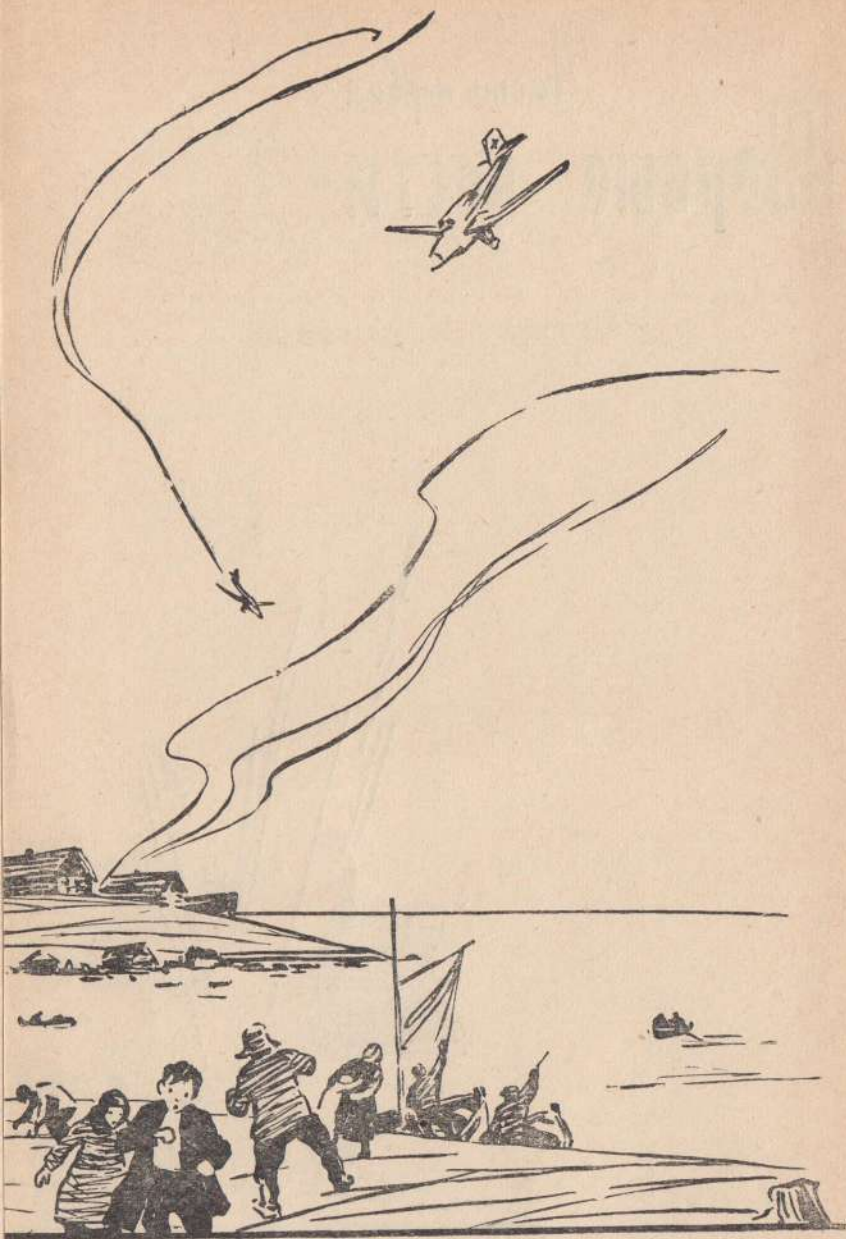
Государственное издательство
Карельской АССР, Петрозаводск—1960

Издание второе, исправленное

Часть первая

Первые вести

Вечером до Туланды впервые донесся отдаленный гул орудийной канонады. Его нельзя было перепутать с раскатами грома. Стояла осень. Война придвинулась к Заозерью.

Ночью по дороге к деревне шел старик в длинной изорванной шинели, в больших на деревянных колодках ботинках. Холодный ветерок неистово трепал его белую бороду, полы шинели путались в ногах, ботинки скользили по разбухшей от дождей осенней дороге.

Одной рукой удерживая на голове сползавшую ушанку, а другой опираясь на батожок, старик шел, не отдыхая и не останавливаясь.

И чем меньше оставалось до деревни, тем поспешнее и потому неровнее становились его шаги. Он уже почти бежал, задыхаясь и глухо завывая при каждом вздохе.

Наконец между темными стволами сосен, росших на деревенском кладбище, мелькнуло озеро. Старик перекрестился, замедлил шаги и остановился. Впереди он скорее угадал, чем увидел, деревню. Ни огонька, ни лая собак в эту позднюю осеннюю пору. Словно там, куда он так торопился, не было больше жизни. Лишь крыши домов чернели на фоне неба.

Старик снова перекрестился, снял шапку и маленькими слезящимися глазками долго всматривался, отыскивая среди десятков одинаковых в ночи крыш одну, родную, бывшую некогда его собственной.

Так он стоял долго, словно поняв, что торопиться и бежать ему было незачем, что пришел он слишком рано.

На востоке за озером небо чуть посветлело, а может это ветер разогнал облака. Издалека со стороны деревни послышался гул приближающейся автомашины. Старик поспешно перебрался через канаву и ушел за придорожные кусты. Тяжело нагруженная машина, с пипением разбрызгивая лужи, прошла мимо, и по шуму мотора он понял, что машина вскоре свернула на лесную дорогу.

Вновь закинув за спину торбу, старик медленно направился к деревне. Он ненадолго останавливался у каждого дома, пристально вглядывался в темные окна, желая и не решаясь постучать. Так он прошел почти всю деревню, постоял в раздумье и вдруг решительно направился к высокому старому дому, смотревшему окнами в сторону озера.

Постучав палкой в высокое окно, старик поднялся на крыльцо и стал ждать. Дом стоял у самого залива, с крыльца можно было рассмотреть небольшую колхозную пристань и десяток вытянутых на берег лодок. Под навесом крыльца лежали мережи, вероятно принесенные хозяином для ремонта.

— Кого бог дает? — спросили из-за двери.

— Илья Прокопич, ты? — обрадовался старик.

— Кто это?

— Свой. Отвори — узнаешь!

Засов загремел, и дверь распахнулась. Недоумевающий Прокопич пропустил мимо себя гостя и пошел за ним в избу. Гость без труда нашел в темных сенях скобу, распахнул дверь, чуть задержался на пороге комнаты и смело шагнул вперед. Неторопливо поставив к печке длинную палку, подошел к переднему углу и стал на колени. Негромкое бормотанье наполнило комнату.

«Кто же это, милостивый бог, не ведаю? — думал Прокопич, торопясь зажечь лампу. Огонек осветил стоявшего на коленях, и Прокопич перекрестился:

— Евдоким Мироныч?!

Поставив на стол лампу, притворил дверь поплотнее и опустился на лавку.

— Он самый! Он самый, Прокопич! — проговорил пришедший, присаживаясь к столу. — Что ты забегал!

Али боишься — люди увидят у тебя Евдокима Силантьева? Не бойся! Документы есть. Имею полное право проживания по всей Расее-матушке, кроме Москвы и Питера. Отбыл я свое, слава тебе господи, отмучился!

— Бояться мне, Евдоким, тебя нечего. Коли пришел, не прогоню...

— И на том спасибо! — грустно усмехнулся гость. Нет, не такого приема ждал он.

Два года после освобождения из лагерей прожил он в Архангельской области. Работал сторожем на подсобном хозяйстве леспромхоза, кормился и уже ни о чем не думал. Готовился встретить свой последний час на чужой стороне. И вдруг — война! Словно просветление снизошло на Евдокима Мироныча. Ночей не спал. И чем дальше шло дело, тем сильнее грызла его тоска по родным местам. Не выдержал, отпросился в город к доктору, а сам, помолясь богу, тронулся в путь. Шел он в свою деревню и радовался: навстречу ему с далекого запада двигалось, как представлял, мужицкое счастье. «А, тронулась Расее-матушка», — думал он, глядя на передвигавшиеся на восток колхозные стада и повозки с эвакуированными. Несколько раз пытался заговорить со встречными, расспрашивал их о финнах, но люди были неразговорчивы. Иногда сердито спрашивали:

— А ты куда плетешься, старьей?

Приходилось врать, прикидываться.

Кормился подаванием, благо война размягчила у людей сердца, сделала их добрыми, доверчивыми. В последние дни приходилось идти ночами — фронт был близок, посты, проверки. Так вот и добрался до Туланды — да видать, рановато пришел. Ну ничего, пройдет денек, другой — и здесь все переменится. Все к старому идет, слава богу!

Прокопич сидел на лавке, не зная, что делать. Неожиданный приход Силантьева, которого все на деревне давно считали умершим где-нибудь в архангельской тайге, крепко озадачил старого рыбака. «Коли отпустили — значит, не виновен боле, настрадался немало, поди, за десять лет, искупил вину, — думал Прокопич, и тут же другая мысль не давала покоя: — А пришел-то он когда? В нехорошее время пришел. С добром ли явился?»

Так они и сидели друг перед другом, молчали, выжидали.

Силантьев, видя, что Прокопич не торопится по давнему обычаю кормить гостя, в укор хозяину достал из торбы ломоть хлеба.

Прокопич встрепенулся, засуетился:

— Убери хлеб! Не обнищали еще, голодного найдем чем накормить!

Силантьев вытер ладонью рот, пряча довольную усмешку, но хлеб не убрал.

Прокопич собрал на стол, пригласил Силантьева и сел напротив. Евдоким не отказывался. Он ел не торопясь, с достоинством, поддерживая ложку с остывшими щами куском хлеба, но было видно, что голоден. За столом и разговорились. Силантьев начал издали. Расспросил про жизнь, про деревенских, перекрестился на образа при упоминании об усопших, и начал рассказывать о себе. Говорил долго, не торопясь. Все свои мытарства по лагерям выложил.

Прокопич слушал внимательно, и с каждой минутой росло в нем сочувствие к одинокому и, как выходило теперь, несчастному односельчанину. Старые обиды давно забылись. Не вспомнил Илья, как в молодости гнул спину на бывшего хозяина, как перебивался с хлеба на воду, работая в силантьевской артели. Все забылось, все стерла в памяти обеспеченная жизнь последних лет. Да и вместо хитрого, алчного хозяина сидел теперь перед ним жалкий, беспомощный старик. Отодвинув пустую миску, Силантьев продолжал:

— Ночей не спал, хотелось на Онеге побывать, посмотреть на бережок, потом и помирать можно. Думал, не придется подышать ветерком онежским. Ан нет! Довелось, слава те господи! Пришел, посмотрел... — невуче тянул гость и, вдруг, спросил:

— Пожить пустишь? Сам знаешь, дом мой под красным флагом стоит...

— Пожить? — переспросил Прокопич удивленно. Потом, не выдержав пронизательного взгляда гостя, решительно ответил:

— Хоромин не жалко. Живи. Да только долго ли жить здесь придется.

— Да-а, — протянул гость с сожалением. — Беда пришла. Строили, перестраивали жизнь, а все под гору покатилося... Да так, что и не остановить... Колхоз-то как, эвакуировать собираются или уже вывезли все?

— Пока еще не трогались, а придется, видать, — ответил Прокопъич.

— Кто же начальствует теперь? — спросил Силантьев.

— Председателем Марию недавно выбрали. Петра Горелова жонку.

— Маню?! — удивился Силантьев. — Ай-ай, вот и подумай. Давно ли девчонкой бегала, а тут в председатели вышла... Да-а, зря она на меня обиду держит. Когда ейный папаша с промысла не вернулся, кто кормил-поил малолеток? Добро-то, оно быстро забывается!

— Брось, Евдоким, — вздохнул Прокопъич. — Не поминай лучше старое... Поил-кормил малюток ты незадаром. Работали на тебя они.

— Ты что, Илья?! Нешто не знаешь, какая от детей работа? Баловство скорей. Для порядку, а не для пользы ставил рыбу перебирать.

— Брось, говорю, старое поминать! — нахмурился Прокопъич, и оба надолго замолчали.

Хозяин взял с кровати подушку, взбил ее и закинул на печь, давая понять гостю, что постель готова. Но Силантьев словно не замечал этого. Склонившись на руки, он неподвижно сидел у стола, как будто о чем-то задумавшись, и лишь его маленькие быстрые глазки внимательно следили за каждым движением хозяина.

— Шел сюда, примечал ваше богатство колхозное. Скотник, маслобойня, кажись, да и вроде бы ледник для рыбы держите?

Прокопъич только кивнул в ответ.

— Хорошее дело... Да и ты, Илья, без нужды, вроде, живешь.

— Живем, не жалуемся, — ответил рыбак.

Силантьев вздохнул.

— Богатства много, да пропадет оно...

— Это пошто?

— Эвакуация... — и видя, что хозяин его не понимает, гость объяснил: — Увезут на ту сторону, вот и пропало!

Прокопъич молчал. Силантьев поправил фитиль у лампы, вылез из-за стола, тихо проговорил:

— Слушай, Прокопъич! Дело толковать стану... Спасибо за хлеб-соль, а дело обмозговки требует. Так, говоришь, хозяйство колхозное вывозить будут? Скот, снасти...

— Будут, — подтвердил Прокопъич.

— А люди-то как жить станут?

— Тоже уедут, — Прокопъич сидел, опустив голову.

— Ха-ха! Тоже уедут... Чудак-старик! До седых волос дожил, ума не нажил. Куда уедут? На чем? Армия-то наша доблестная к Медвежьей отходит. Коровушек возьмут, мясо нужно им, а люди останутся... Снасти тоже подберут, а чем люди жить будут?

— Лодки у нас есть. На ту сторону переправимся.

— Лодки? — переспросил гость. — На лодках ваше же начальство уедет и добро увезет, а Прокопъич с голыми руками останется. Али не понимаешь?

Прокопъич молчал. Он злился на себя, зачем ввязался в этот неприятный разговор. «По злобе, Евдоким, наговариваешь!» — хотел сказать он, но Силантьев заторопился:

— Дело говорю. Позаботиться о себе пора. Ты, Илья, не думай, что уедешь... Да и зачем тебе уезжать? Чего по белу свету мыкаться? Пуцай начальство да партийные бегут от финнов, а нам бегать нечего. Проживем и при финнах... И, кто знает, может жизнь получше советской будет...

Глядя на молчавшего Прокопъича, Силантьев радовался: «Все идет хорошо. А петушился, дурень!» Он присел на скамью рядом с Прокопъичем, ласково положил ему руку на плечо:

— Сынок-то дома?

— В армии сын.

— Вернется! Прибежит! — пообещал Силантьев. — Подумаешь, велика радость воевать, коли свое хозяйство на раззор пошло... Все пропало, время каждому о себе подумать!

Прокопъич только сейчас понял, к чему клонит гость.

— Прибежит, говоришь? — переспросил он, поднимаясь. — Нет уж, нет... Своими руками, вот этими, удушю, если, не суди бог... случится такое!

— Окстись, Илья! Чего взбеленился? — беспокоило заюлил Силантьев. — Ты мужик умный, сам подумай, куда жизнь поворачивает. К старому все идет. Думаешь, счастье само в руки дается? Нет, имать его надо, зубами держать! Время пришло. Упустишь момент, всю жизнь каяться будешь. Верь, Прокопъич, без греха не проживешь... А тут и греха никакого. Добро-то ведь ты сам наживал, твоим потом оно полито. Нешто отдавать его

кому-то?.. Как без снастей, без скотины жить? А моего добра разве мало в колхозе? Дом, карбасы, коровы! Имею я право теперь, когда колхозам конец пришел, обратно получить его? И каждый так должен. Какой же тут грех? Думать надо, ду...

Силантьев вдруг умолк, увидев, что Прокопъич медленно, но решительно направился к двери. Сильным ударом ноги он растворил ее. Указывая крючковатым пальцем в темноту сеней, еле выдохнул:

— Уходи!

И закашлялся.

Силантьев испуганно вскочил, долго стоял, не понимая, потом, гремя деревянными колодками, подошел к печке, взял батожок и остановился против хозяина:

— Гонишь? В ночь гонишь?

— Уходи! Уходи от греха! Пусть я перед господом грешен буду, — Прокопъич перекрестился. — Нарушу обычай, бог простит, а тебя, лиходея, придомлю — люди проклинать станут. Правду сказывают — горбатого могила исправит! Век ты чужими слезами руки умывал! Опять норовишь за старое приняться? — кричал он в испуге.

Силантьев нырнул в сени, торопливо застучал по ступеням крыльца.

Тяжело опустившись на лавку, Прокопъич обхватил голову трясущимися руками.

2

...Перед рассветом Ваня услышал шум приближающейся автомашины. Она остановилась у самого дома. Люди прыгнули на землю. Кто-то легонько постучал в окно.

— Кто? — спросила мать из соседней комнаты.

— Мария Дмитриевна, открой на минуту!

По голосу Ваня узнал бригадира Тимофея Степановича Быкова и, подойдя к окну, осторожно выглянул из-за цветов.

На улице, рядом с Быковым, стоял широкоплечий человек в тужурке, в болотных сапогах, с полевой сумкой на боку. Они вполголоса переговаривались, нетерпеливо поглядывая на окно. Потом оба направились к крыльцу.

В кузове нагруженной полуторки сидело несколько тепло одетых мужчин. В руках у некоторых Ваня заметил винтовки.

За стеной мать говорила:

— Василий Петрович, присаживайтесь! Молочка выпейте!

«Василий Петрович?! Это — Лопахин, — догадался Ваня. — Зачем они так рано?»

Ваня знал секретаря райкома. Лопахин давно, когда Ваня только в первый класс начинал ходить, работал в Туланде председателем колхоза, да и потом часто приезжал в деревню, иногда заходил к Гореловым. А бывало и так, что, догнав на своем газике возвращавшихся из школы Ваню и Степу, Лопахин останавливал машину, сажал ребят и вез их до Туланды. И все расспрашивал о школе, о пионерском отряде. И его всегда строгое, морщинистое лицо в такие минуты становилось добрым и чуть-чуть лукавым.

Ваня уже начал одеваться, чтобы выйти на кухню, как Быков вдруг громко спросил:

— Ванюшка-то спит?

— Спит, — ответила мать. — Вчера весь день картошку копал, еле до кровати добрался...

За стенкой заговорили вполголоса, до Вани долетали лишь отдельные слова.

Потом он услышал, как все вышли из избы. Мотор сначала фыркал, потом натуженно взвыл, и машина тронулась.

Ваня решил не говорить о ночных гостях даже Степке. Степка, правда, хороший друг. Ему можно доверять любые тайны и не брать с него честного слова, но сейчас...

В семь утра Ваня, как обычно, сидел в правлении колхоза у радиоприемника. Месяц назад дядя Тимофей поручил ему принимать сводки Информбюро и разносить по бригадам.

А сводки такие перадостные! Наши войска все время отступают. Немцы на Украине, захватили Белоруссию, окружили Ленинград и рвутся к Москве. Недавно был оставлен Петрозаводск.

Каждый раз, когда Ваня включал радиоприемник, сильно билось сердце... А вдруг сегодня, сейчас произойдет то, чего он ждет вот уже четвертый месяц. Как обрадуются люди, когда он сообщит им, что немцы остановле-

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Государственное издательство КАССР просит отзывы о книге Д. Гусарова «Боевой призыв» присылать по адресу: г. Петро-
заводск, пл. 25 Октября, 1, Государствен-
ное издательство КАССР.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Часть первая.</i> Первые вести	5
<i>Часть вторая.</i> Плечом к плечу	119

Дмитрий Яковлевич Гусаров
БОЕВОЙ ПРИЗЫВ

Редактор *К. Ф. Ведюкова*

Художник *В. Н. Вахрамеев*

Художественный редактор *Р. С. Киселева*

Технический редактор *К. М. Подбельская*

Корректор *Е. А. Ульянова*

Сдано в набор 12/X 1959 г. Подписано к печати 9/II 1960 г. Бумага 84×108^{1/2}₃₂
8,13 печ. л. 13,3 усл. печ. л. 13,32 уч.-изд. листа. Госиздат № 193. Тираж 15 000.
Заказ 1178. Цена 5 руб.

Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1

Сортавальская книжная типография Министерства культуры Карельской АССР
Сортавала, Карельская, 32

ЦЕНА

180 руб. 00 коп.

Цена 5 руб.